

Послевоенные цели Сталина

Альфред Дж. Рибер

Stalin's post-war aims

*Alfred J. Rieber (Central European University, Budapest, Hungary,
and University of Pennsylvania, Philadelphia, USA)*

22 июня 1941 года в 7 часов утра Г. Димитров был вызван в Кремль, где встретился с И.В. Сталиным и группой его соратников: «Поразительное спокойствие, решимость, уверенность Сталина и всех остальных». Было принято решение поручить В.М. Молотову выступить по радио и редактировалась его речь. Сталин отдал приказ эвакуировать все дипломатические представительства. Коминтерн «не должен предпринимать какие-либо открытые действия... Вопрос о социалистической революции не поднимается. Советский народ ведёт отечественную войну против фашизма»¹. В обращении к советскому народу 3 июля Сталин утверждал: «В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки... Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера»². Но что конкретно это означало с точки зрения послевоенного устройства мира? Сталин не указывал никаких деталей помимо очевидных: нацистская Германия и её союзники должны быть разгромлены. Однако, давая новое определение войны на Западе, которую прежде осуждал как «империалистическую», он фактически предложил новую для марксизма-ленинизма концепцию, открыв путь для широкого диапазона возможных интерпретаций. В данной статье рассматривается сложный, иногда противоречивый процесс формулирования им своего видения стратегических целей войны.

Даже если Сталин и не разрабатывал чёткого стратегического плана, он, по моему мнению, всё же руководствовался не только импровизированными и прагматичными соображениями. В основе того, что он называл «равновесием сил», лежали три ключевых фактора: территория, занятая Красной армией, отношения СССР с главными союзниками — Соединёнными Штатами и Великобританией, и политические условия на освобождённых территориях. Объединяло эти три фактора применение Сталиным того, что я называю его «окраинной теорией». Это был взгляд на внешнюю политику, который выковался у него под влиянием опыта революционера в многонациональной кузнице

© 2017 г. А.Дж. Рибер

Данная статья основана на материале 8–10 глав книги: *Rieber A.J. Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia. Cambridge, 2015.*

Автор выражает благодарность Исследовательскому фонду Центрально-Европейского университета за поддержку данного проекта.

¹ The Diary of Georgi Dimitrov, 1939–1949 / Ed. by I. Banac. New Haven, 2003. P. 166–167.

² Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 16.

южнокавказской политики, участия в гражданской войне и борьбе с интервенцией, построения квазифедеративного союза советских республик и применения доктрины социализма в одной стране.

Связать всё это воедино позволяла идея взаимозависимости между центром и периферией, сформулированная Сталиным в дореволюционных сочинениях и развитая в 1920-е гг. Докладывая грузинским товарищам о результатах V (лондонского) съезда РСДРП, он объявил, что тактика большевиков — «тактика передовых городов, промышленных центров», где углубление революции и развитие классового сознания имеют наибольшие шансы на успех. Социал-демократы же с националистической окраской — «Бунд», грузинские меньшевики и украинская «Спилка», в его представлении, опирались на периферийное «мелкое производство». Он подчёркивал русский характер пролетарского центра в отличие от смешанного этнического состава мелкобуржуазной периферии, где районы мелкого производства являлись в то же время районами расселения евреев, грузин и т. д.³

Отчётливо представляя себе разобщающую природу национального вопроса в царской империи, он развил идею социалистического государства, которое предоставляло бы национальным меньшинствам культурную автономию (прежде всего в использовании родного языка). Гражданская война и интервенция убедили его в том, что периферия подвержена влиянию местных националистических движений, поддерживаемых извне — вначале Центральными державами с их планами отторжения западных окраин, затем японцами, планировавшими отделить Восточную Сибирь, и, наконец, западными союзниками, поддерживавшими местные сепаратистские движения. Целью политики коренизации было привязать окраины к центру и предотвратить проникновение сюда внешних врагов, которые подпитывали бы местные национальные движения⁴. Таким образом, обезопасить себя от капиталистических стран и предотвратить угрозу войны, которой Сталин в 1920-е гг. манипулировал для внутренних и внешних целей, можно было, лишь создав то, что он назвал «социалистическим окружением».

В то же время Сталин провозгласил, что Советская Россия в ходе строительства социализма «будет превращаться... в базу дальнейшего развёртывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма». Однако «победить наших капиталистов мы можем, строить социализм и построить его мы в состоянии, но это ещё не значит, что мы в состоянии тем самым гарантировать страну... от опасностей интервенции и связанной с нею реставрации, восстановления старых порядков, пока мы остаёмся в капиталистическом окружении, пока пролетариат не победил, по крайней мере, в ряде стран... Поэтому, чтобы победить окончательно, нужно добиться того, чтобы нынешнее капиталистическое окружение сменилось окружением социалистическим»⁵. Сталин вновь поставил мысль Ленина с ног на голову, поскольку в своей формуле опустил ленинское ограничение «в ряде *передовых* стран». Это, по сути,

³Сталин И.В. Сочинения. В 13 т. Т. 2. М., 1951. С. 32, 50–51.

⁴При этом Сталин осуждал как национал-отщепенцев тех большевиков из нацменьшинств, которые, как ему казалось, заходят слишком далеко в развитии автономии, в частности, М.Х. Султан-Галиева, О.И. Шумского и Н.А. Скрыпника. Точно так же в 1940-х гг. он будет подозревать местных коммунистов на послевоенной периферии вне Советского Союза в чрезмерной националистической деятельности. См.: *Rieber A.J. Stalin and the Struggle for Supremacy...* P. 72–80, 112–116.

⁵Сталин И.В. Сочинения. Т. 6. М., 1951. С. 399; Т. 8. М., 1951. С. 263.

означало, что защитный пояс, составляющий социалистическое окружение, будет состоять из социальных формаций второго типа, характеризующихся слабым развитием капитализма и сильными феодальными пережитками. Сталин выделял «Польшу, Румынию и т. д.» как страны этого типа. Революция в них, вероятно, потребует, настаивал он, «некоторых промежуточных ступеней в виде, скажем, диктатуры пролетариата и крестьянства»⁶. И вновь Сталин искажил ленинскую формулу, впервые выведенную в 1905 г. в «Двух тактиках социал-демократии в демократической революции», где Ленин предлагал для России впоследствии отвергнутую им самим промежуточную форму «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства (курсив мой. — А.Р.)»⁷.

Идея о «нескольких промежуточных стадиях» получила дальнейшее развитие в ходе гражданской войны в Испании и впоследствии реализовалась в концепции «народных демократий», допускавшей возможность различных путей к социализму. Как я постараюсь показать, идея построения социалистического окружения путем добавления ещё одного пояса защитной территории к советскому центру была вариацией того, как строилось советское государство. Соответственно, отношения между Советским Союзом и «народными демократиями» воспроизводили отношения между русским центром и национальными республиками на периферии.

Рисую свою мысленную карту защитных зон, Сталин был также полон решимости соорудить физические барьеры против внешнего проникновения, что было неотъемлемой частью его военных планов. Начиная со своего первого контакта с британцами во время визита А. Идена в Москву в ноябре 1941 г. он настойчиво добивался подтверждения своих территориальных приобретений по германо-советскому пакту, особенно настаивая в то время на признании Британией аннексии трёх балтийских государств и на военных союзах с Румынией и Финляндией. Взамен он предлагал Идену создать британские базы на побережье Франции, в Бельгии и Нидерландах. По сути, Сталин апеллировал к принципу эквивалентности, предвосхищая своё соглашение с У. Черчиллем в октябре 1944 г.⁸ Но это был ещё набросок стратегического плана послевоенного устройства.

В ретроспективной оценке, не имея возможности проследить здесь все зигзаги намерений Сталина и несмотря на отсутствие у него единого стратегического плана, его политику можно объяснить, применяя его «окраинную теорию» к двум различным, но взаимосвязанным пространственным измерениям или операционным полям. Их можно назвать «внутренним и внешним периметром». Под «внутренним периметром» я имею в виду территории, лежащие в пределах операционной сферы Красной армии, тогда как «внешний периметр» определяется сферой англо-американских военных операций. В обеих

⁶Там же. Т. 11. М., 1951. С. 155–156.

⁷Ленин В.И. Сочинения. Изд. 2. Т. VIII. М., 1933. С. 84–85. Сталин восстановил определение «демократический» в 1927 г. применительно к Китаю, ссылаясь на возможность союза между левым крылом Гоминьдана и коммунистами Уханя. В результате, по его формулировке, в Китае мог бы появиться «орган революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» (Сталин И.В. Сочинения. Т. 10. М., 1951. С. 226). Этот взгляд он сохранял и после Второй мировой войны, полагая, что китайские коммунисты, лишившись прямой поддержки Красной армии, будут вынуждены идти к социализму более длинным путём.

⁸Документы внешней политики. 22 июня 1941–1 января 1942. М., 2000. С. 502–510; Вторая мировая война: актуальные проблемы / Под ред. О.А. Ржешевского. М., 1995. С. 12–13.

сферах в ходе освобождения от нацистов военное командование брало на себя особые административные полномочия. Формального соглашения об этом разграничении не существовало, хотя Сталин по крайней мере однажды говорил о таком разделении сфер ответственности.

По иронии судьбы, именно американцы впервые осуществили планы по военному управлению на освобождённых территориях — вначале в Италии, где они образовали военное правительство (АМГОТ, Allied military government of occupied territory). Советские лидеры были категорически против подобной тактики, воспринимая её как попытку не позволить «демократическим элементам» (прежде всего местным коммунистам) заменить собой фашистскую администрацию⁹. По той же причине Советский Союз поддержал противодействие генерала де Голля установлению американского военного правительства на освобождённой территории Франции¹⁰. Затем американцы и британцы организовали отдельную Союзную контрольную комиссию, в которую русские не вошли. Когда Сталин и Молотов начали убеждать своих союзников создать межсоюзническую военно-политическую комиссию для Европы, основанную на принципе консенсуса в Большой тройке, те в октябре 1943 г. согласились создать Европейскую совещательную комиссию, но затем отвергли советские попытки превратить её в орган планирования всех условий заключения мира¹¹. В своём стремлении исключить Советский Союз из процесса принятия решений в освобождённой Италии они дали советским лидерам идеальный повод отплатить той же монетой в Румынии и Болгарии.

Однако для Сталина было важно сохранить видимость единства Большой тройки в вопросе управления освобождёнными территориями и способствовать созданию местных административных команд. Он разъяснил этот последний пункт в разговоре с О. Ланге, настаивая на том, что «мы не поступаем в Польше, как действовал АМГОТ в Италии. Должен быть какой-то польский орган власти»¹². Ясно, что целью здесь было гарантировать, что освобождение не приведёт к гражданской войне и что коммунисты будут играть роль в управлении местными делами. Иными словами, хотя Сталин был приверженцем сфер влияния, отражающих положение Красной армии на момент прекращения военных действий, и подтвердил это на встречах с У. Черчиллем и Т. Рузвельтом во время войны, он ещё не воспринимал тогда это разделение как чёткое и жёсткое деление мира на два лагеря. Таким образом, к концу войны целью Сталина было практическое применение его «окраинной теории» к освобождённым территориям под его контролем и в то же время сохранение союзнических отношений. Хотя он намеревался сделать обе цели совместимыми и даже дополняющими друг друга, очень скоро они оказались в непримиримом противоречии.

Сталин ясно заявлял, что сохранение Великого союза, как его называл Черчилль, в послевоенный период имело для него особое значение. Во время войны, даже на её последних стадиях, когда стали проявляться разногласия

⁹АВП РФ, ф. Молотова, оп. 6, д.150, п. 15, л. 475—476.

¹⁰Там же, л. 485.

¹¹Foreign Relations of the United States (далее — FRUS), 1943. Vol. I. P. 588, 597—598, 643; Documents on British Foreign Policy, 1919—1939 / Ed. by E.L. Woodward. 3d series. Vol. III. L., 1952. P. 443—444. См. также: *Toscano M. Designs in Diplomacy*. Baltimore, 1970. P. 269—270, 273, 279.

¹²Сталин и Польша, 1943—1944 годы. Из рассекреченных документов российских архивов / Публ. А.С. Носкова // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 125, 130.

между членами Большой тройки, Сталин подчёркивал в самых определённых выражениях, переводившихся на английский язык и широко распространявшихся, своё благоприятное мнение о союзе: «Дело не в разногласиях, а в том, что разногласия не выходят за рамки допустимого интересами единства трёх великих держав и в конечном счёте разрешаются по линии интересов этого единства». Такие связи продемонстрируют банкротство гитлеровской пропаганды, нацеленной на то, чтобы посеять недоверие между союзниками. Но, добавлял он, в основе союза великих держав «лежат не случайные и преходящие мотивы, а жизненно важные и длительные интересы»¹³. Кажется, он подразумевал, что интерес выше идеологии; однако никто лучше Сталина не знал, что часто случается обратное. Что же представляли собой эти «жизненно важные и длительные интересы»?

С точки зрения Сталина, восстановление разрушенной советской экономики (по его оценкам, война стоила двух пятилетних планов) требовало массивных вливаний внешней помощи в виде репараций и долгосрочных низкопроцентных займов от Соединённых Штатов. Репарации от Германии можно было обеспечить только в том случае, если четыре оккупационных зоны рассматривались бы как экономическое целое, что означало тесное сотрудничество с западными державами. Идея получения большого послевоенного займа под низкий процент от Соединённых Штатов обсуждалась советским руководством во время войны¹⁴. Что касается общих интересов, Молотов заявлял накануне Ялтинской конференции, что Соединённые Штаты «должны быть заинтересованы» в экономическом сотрудничестве с СССР, которое позволит США преодолеть «переходный период», когда капиталистическая экономика столкнется с «кризисом перепроизводства», сокращающимся рынком и массовой безработицей¹⁵.

Спустя месяц после окончания войны Сталин вновь поставил этот вопрос перед делегацией американских конгрессменов, посетивших СССР. Он предположил, что заём в 6 млрд долларов позволит Советскому Союзу купить 5 млн т рельсов, 10 тыс. локомотивов, 150 тыс. железнодорожных вагонов и 40–50 тыс. станков, причём заказы на эти поставки будут заключены с американскими фирмами. Сталин закончил своё выступление на оптимистической ноте: «Связь, которая держала нас вместе, больше не существует, и мы должны будем найти новую основу для наших тесных отношений в будущем. Это не всегда будет легко..., [но], как сказал Христос, “ищите и обрящете”»¹⁶.

Только путём вовлечения западных держав, и прежде всего США, в совместную оккупацию Германии, Австрии и Кореи Советский Союз способен

¹³Сталин И.В. 27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции... 6 ноября 1944 года // Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 163–165.

¹⁴Микоян А.И. Так было. М., 1999. С. 493–494; Советско-американские отношения, 1939–1945: Документы. М., 2004. С. 602–604.

¹⁵FRUS. 1945. Vol. V. P. 942–945. Это была одна из главных тем в горячо дебатировавшейся работе Е. Варги «Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны» (М., 1946). См. также: Barghoorn F.C. The Varga Discussion and Its Significance // The American Slavic and East European Review. Vol. 40. 1948. № 1. P. 28–40. Взгляды Сталина на послевоенные экономические отношения с США, несомненно, подпитывались его беседой во время войны с американским бизнесменом Э. Джонстоном, который с энтузиазмом отзывался о возможностях послевоенной торговли с Советским Союзом. См.: U.S. Department of State... 1944. Vol. IV. P. 973–974.

¹⁶FRUS. 1945. Vol. V. P. 882–883. См. также: Gaddis J.L. The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947. N.Y., 1972. P. 259–261.

был ослабить побеждённые державы и отсрочить их возрождение, которое, по предвидению Сталина, могло случиться в ближайшие десять лет или около того. Однако вплоть до самой поздней стадии войны советский руководитель не принял решения о конкретных формах этого взаимодействия. Его занимали два вопроса: расчленять ли Германию и какого рода режим установить в советской оккупационной зоне. По первому вопросу он менял позицию несколько раз, но в итоге стал поддерживать частичное расчленение с ликвидацией Пруссии путём раздела Восточной Пруссии с Польшей и аннексии Силезии и Померании реконструированным польским государством. Что касается остальной Германии, он склонялся к обращению с ней как с экономическим целым, предполагая слияние четырёх оккупационных зон в разоружённую, нейтральную Германию.

По второму вопросу он также откладывал принятие окончательного решения. Первоначально в надежде на стимулирование национального восстания внутри рейха он заигрывал с идеей использования Национального комитета «Свободная Германия», представлявшего собой разношёрстную группу немцев в изгнании, впоследствии расширенную за счёт высокопоставленных пленных офицеров вермахта¹⁷. Несколько альтернативных планов, составленных немецкими коммунистами в Москве, включая мысль о применении идеи демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, были предложены, пересмотрены и отвергнуты. В конечном итоге было принято решение поручить инициативным немецким коммунистическим группам реконструировать многопартийную систему из остатков антинацистских партий Веймарской республики — социал-демократов, Католического центра и национал-либералов, переименованных в Либерально-демократическую партию.

Местные народные комитеты, которые возникли непосредственно после разгрома Германии, были распущены. Летом 1945 г. В. Ульбрихт жаловался В. Пику, что многие товарищи всё ещё грезят старой идеей 1930-х гг. о Рот-фронте и даже «говорят о советской власти и тому подобном»¹⁸. В июне 1945 г. Сталин информировал собравшихся в Москве немецких коммунистов: необходимо «категорически заявить, что путь навязывания совсистемы Германии неправилен; должен быть установлен антифашистский демократический парламентский режим»¹⁹.

В августе Г.К. Жуков развил краткую формулировку Сталина. Он обрисовал главные задачи, стоящие перед советскими военными в Германии. Во-первых, самой насущной необходимостью было покрыть советские военные потери, получив от Германии военные трофеи, репарации и разобранные промышленные предприятия как можно скорее, ведь «мы не будем постоянно в Германии жить». Во-вторых, расходы на содержание оккупационной армии должны нести немцы. В-третьих, нужно составить план развития лёгкой промышленности и сельского хозяйства, чтобы вновь заполнить военные склады

¹⁷СССР и германский вопрос, 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. Документы из архива внешней политики Российской Федерации / Под ред. Г.П. Лынина и И. Лауфера. М., 1996. С. 18, 227–228, 664 (сн. 70). В октябре 1943 г. Сталин сказал Идену: «Немецкий комитет — это орган пропаганды... Конечно, в Немецком комитете есть люди, мечтающие о решении судьбы Германии. Однако вы должны помнить, что ни одно уважающее себя правительство не будет иметь дело с военнопленными» (АВП РФ, ф. 108, оп. 52а, с. 458).

¹⁸*Sandford G.W.* From Hitler to Ulbricht: The Communist Reconstruction of East Germany, 1945–1946. Princeton, 1983. P. 40.

¹⁹The Diary of Georgi Dimitrov... P. 372.

и удовлетворить минимальные потребности населения, чтобы оно не страдало как страдало советское население в руках немцев. Кроме того, Жуков суммировал политические задачи: «Комендатура должна всячески поддерживать рост [коммунистической партии] и её авторитета... Все усилия должны быть приложены, чтобы искоренить германскую милитаристскую традицию». Вместе с тем Жуков напоминал своим сотрудникам, что немецкое государство и немецкий народ будут продолжать существовать, и потому необходимо установить хорошие отношения между армией и населением, избегая вмешательства в повседневную жизнь немцев. Жуков решительно осудил случаи изнасилований, мародёрства и других незаконных действий со стороны советских солдат и служащих, пообещав «пойти на крайние меры» в отношении виновных в совершении преступлений, вплоть до расстрела²⁰.

Для Сталина, однако, оставалась нерешённой более долгосрочная проблема: как сформировать немецкую политику в контексте коалиционной и в то же время выдвинуть на ведущую позицию Германскую коммунистическую партию. С учётом парадоксального сочетания в оккупационной экономической политике задач восстановления немецкой экономики и её разграбления проблема становилась неразрешимой. Тем не менее Сталин сделал ещё одну попытку разъяснить западным союзникам свои цели в отношении Германии. В мае 1946 г. он продиктовал А.Я. Вышинскому программу из девяти пунктов, которая должна была послужить основой для переговоров на конференции министров иностранных дел, созывавшейся в Париже. Сталин заявил о несогласии с расчленением Германии и превращением её в аграрную страну, но потребовал полного военного и промышленного разоружения, усиленного контролем над Рурским бассейном со стороны четырёх держав. Он повторил своё требование, чтобы минимальный объём репараций составил 10 млрд долларов. Говоря о принципиальном согласии на мирный договор, Сталин настаивал, что предварительно нужно создать единое германское правительство, «достаточно демократическое для того, чтобы искоренить все остатки фашизма в Германии, и достаточно ответственное для того, чтобы выполнить все свои обязательства в отношении союзников, в том числе и особенно в отношении репарационных поставок союзникам». Он считал абсолютно необходимым продолжать оккупацию Германии до тех пор, пока эти условия не будут выполнены. В перспективе он рассматривал возможность создания федеративного государства, «составные части которого могут свободно отделиться от Германии», как идею, заслуживающую внимания, хотя и сомнительную²¹.

Похоже, что Сталин вновь попытался включить в свои планы для Германии возможность расчленения. Впрочем, он оставил лазейку к распространению «окраинной теории» на территорию советской оккупационной зоны на тот случай, если правительство единой Германии окажется не столь «дружественным» к СССР и возникнет угроза её попадания под западное влияние. Однако чрезмерно ретивые действия немецких коммунистов, навязывавших при помощи и поддержке советских оккупационных властей единство социал-демократам, вызвали подозрения западных союзников, что Германия, объединённая на советских условиях, повторит путь восточноевропейских стран. Таким образом, Сталин подорвал собственные планы использования «общего интереса»

²⁰Советская политика в отношении Германии, 1944–1954: Документы. М., 2011. С. 249–259.

²¹Советско-американские отношения, 1945–1948 / Под ред. Г.Н. Севастьянова. М., 2004. С. 227–228.

Большой тройки в предотвращении возрождения германского милитаризма как средства создания «дружественной объединённой Германии», экономически привязанной к Советскому Союзу через выплату репараций и руководимой коалиционным правительством, в котором коммунистическая партия играла бы значительную роль.

Политика СССР в Австрии поначалу казалась повторением германской, но результат был абсолютно иным. Это объясняется парадоксальным восприятием Австрии как одновременно жертвы и агрессора, страны, которую нужно освободить, но также наказать, восстановить её независимость, но только после оккупации. Добиться цели Сталину помешала австрийская общественная и политическая структура, которая, в отличие от германской, была весьма устойчива к коммунистической инфильтрации. Под эгидой Красной армии из Москвы привезли коммунистов-изгнанников, и им был предоставлен паритет с довоенными социал-демократической и народной партиями в создании гражданской администрации под управлением ветерана социал-демократов К. Реннера²².

Сталин охотно и задолго до своих западных союзников признал новое правительство. Однако на свободных выборах в национальный парламент коммунисты не смогли удержать свою долю власти и потерпели разгромное поражение. Сталин проигнорировал их поражение, предпочтя обеспечить экономические концессии от нового правительства, включая создание совместной нефтедобывающей компании, которая в 1947–1955 гг. произвела 63% общего объёма добытой в стране нефти²³. Когда австрийские коммунисты позднее пожаловались А.А. Жданову на недостаточную советскую поддержку, он отчитал их за то, что они слишком полагаются на помощь Красной армии, и за надежду, что оккупационный режим продлится ещё долго. Жданов отверг их аргумент, что объединение Австрии будет означать экономическую зависимость от США, поскольку у страны нет 200 млн долларов, чтобы уплатить репарации Советскому Союзу. «Неправильно полагаться на советские силы..., — заявил он, — независимость страны не может покоиться на иностранных войсках»²⁴. Австрийский пример — ещё одно доказательство того, что поддержание союза с США и Великобританией виделось в Москве средством восстановления советской экономики.

Третья территория, совместно оккупированная СССР и США, представляет ещё более убедительный пример решимости Сталина сохранять коалицию. Большая тройка согласилась на Ялтинской конференции на совместное управление Кореей и доверила СССР её военную оккупацию. В мае 1945 г. Сталин уверил личного представителя Рузвельта Г. Гопкинса, что поддерживает совместное управление Кореей на период от 5 до 10 лет, а возможно, и дольше²⁵.

²²Dallin D. Stalin, Renner und Tito. Österreich zwischen drohender Sowetisierung und der Jugoslawischen Gebiets anspruchen in Freijahr 1945 // Europa-Archiv. 1958. 5 and 20 August, 5 September. P. 11031. В последующем письме Сталин обратился к Реннеру как к «уважаемому товарищу», что было весьма необычно. См.: Микоян А.И. Указ. соч. С. 482.

²³Bader W. Austria between East and West, 1945–1955. Stanford, 1966. P. 121. Советские переговорщики по этому соглашению перехитрили самих себя. СССР, как оккупационная держава, отказался от права вето в обмен на предоставление правительству Австрии права подписывать двусторонние соглашения с одной из оккупационных держав, не получая разрешения от других. Это ударило рикошетом позднее, когда Австрия вопреки советским протестам защитила своё решение присоединиться к плану Маршалла. См.: Ibid. P. 62, 73.

²⁴РГАСПИ, ф. 77, оп. 3, д.100, л. 10–15.

²⁵FRUS. 1945. The Conference of Berlin. The Potsdam Conference. Vol. 1. P. 47.

Первоначально американцы не имели намерения высаживать наземные войска, но затем изменили своё решение как раз накануне освобождения страны Красной армией. Сталин не возражал против установления 13-й параллели как зональной границы совместной оккупации. Видимо, он пытался использовать эту уступку, чтобы выторговать долю в оккупации японского острова Хоккайдо. Но эту идею американцы отвергли.

Тем не менее в принятии американцев как партнёров в построении послевоенного корейского правительства для Сталина существовала конкретная выгода. С уходом японцев корейская политика представляла собой поле острого конфликта различных политических сил. Левые были крайне разобщены и на севере, и на юге страны²⁶. Сталин рассчитывал, что под эгидой плана о совместном управлении удастся сплотить корейских коммунистов в единую партию под его контролем. В то же время, работая с американцами в переходный период, он мог бы предотвратить разделение страны и способствовать проведению выборов во временное правительство на условиях, которые благоприятствовали бы коммунистам. Советские переговорщики настаивали: только партиям, принявшим план о совместном управлении, будет позволено участвовать в выборах. Под советским давлением коммунисты неохотно приняли это требование, но некоммунистические националисты на юге, а также американские переговорщики выступили против²⁷. Таким образом, советская стратегия провалилась, и Корея, как и Германия, осталась разделённой.

Поддержание хороших отношений с западными державами играло существенную роль и в продвижении стратегических целей Сталина во «внутреннем периметре». Благодаря поддержке своих территориальных притязаний со стороны США и Великобритании и доминирующей роли СССР в комиссиях союзного контроля на территориях, контролируемых Красной армией, Сталин мог достичь двух важных целей: ослабить, изолировать или ликвидировать реальную и потенциальную оппозицию советскому влиянию во «внутреннем периметре», а также уменьшить или полностью исключить угрозу западной интервенции с целью поддержки такой оппозиции. Иными словами, его целью было предотвратить возникновение условий, которые привели к гражданской войне и интервенции в молодой Советской России. Рассмотрим применение сталинской «окраинной теории» к строительству социалистического окружения.

Во время войны стратегические цели Сталина во «внутреннем периметре» постепенно оформлялись в трёх различных направлениях. Его первой целью было получение военных баз на границах Советского Союза в Европе и Азии — «укрепленные пункты», как он назвал их на Тегеранской конференции. От Финляндии он получил защитный щит для Ленинграда в виде Карелии, Петсамо с его никелевыми рудниками, лишив Финляндию доступа к океану, долгосрочную аренду залива Порккала-Удд, который впоследствии был превращён в советскую военно-морскую базу. В то же время Сталин отказался от идеи превращения Финляндии в одну из республик СССР.

Поглощение польских окраин — Западной Белоруссии и Западной Украины — и депортация польского меньшинства служили как стратегическим, так

²⁶РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 47, л. 19–20, 23–24. См. также: *Lankov A.N. Crisis in North Korea and the Failure of De-Stalinization*, 1956. Honolulu, 2007. P. 12–17.

²⁷Окончательную советскую переговорную позицию см.: Советско-американские отношения, 1945–1948. С. 179–180.

и этническим целям, так как они положили конец потенциальной угрозе использования этих территорий как баз для возобновления плана Ю. Пилсудского. Взамен Польша получила часть Восточной Пруссии и Силезии. Аннексия подкарпатской Украины и Северной Буковины завершила унификацию украинского народа и создала общую границу с Чехословакией и Венгрией, ликвидировав брешь, которая содействовала провалу переговоров с Францией и Британией в 1938—1939 гг. Подобным же образом, воссоздание Молдавской ССР должно было положить конец великорумынской идее и заново утвердить Советский Союз как прибрежную державу на Дунае. Послевоенная попытка Сталина приобрести базы на Босфоре и Дарданеллах и вернуть Карскую и Ардаганскую провинции была связана с его кампанией по привлечению в СССР армянской диаспоры²⁸. Если бы он добился успеха, армянский народ подобно украинскому был бы объединён под советским руководством. Эти территориальные изменения и претензии представляют собой живую иллюстрацию его «окраинной теории» применительно к заключительной стадии конструирования многонационального советского государства.

Приобретение укрепленных пунктов в Азии явилось поздним ответом на русские потери в Русско-японской войне 1904—1905 гг. В обмен на вступление в войну против Японии Сталин потребовал и получил южную половину Сахалина и Курилы (в Ялте не оговаривалось, включал ли договор всю цепь островов, в том числе самые южные, никогда не принадлежавшие России; в итоге советские войска оккупировали и их). В речи по случаю победы над Японией Сталин заявил, что эти территориальные приобретения не только обеспечили прямую связь Советского Союза с Тихим океаном, но и стали «базой обороны нашей страны от японской агрессии»²⁹. Вдобавок Советский Союз получил в долгосрочную аренду от националистического Китая военно-морскую базу Порт-Артур и обозначение Даляня как «свободного коммерческого порта» с «первостепенными» советскими интересами — таившее в себе опасность туманное определение, которое Сталин будет впоследствии интерпретировать с точки зрения исключительных прав советских и китайских вооружённых сил оккупировать эту территорию³⁰. Для управления Китайской Восточной и Южно-Маньчжурской железными дорогами был создан совместный китайско-советский концерн³¹. В ходе дальнейших переговоров с китайскими националистами Сталин обеспечил независимость Внешней Монголии, которая уже давно стала, по словам О. Латтимора, первым советским сателлитом, и права на минеральные ресурсы в Синьцзяне, где советское влияние на последней стадии войны также стало преобладающим³². Хотя СССР не аннексировал территорий на континентальных окраинах

²⁸ Mouradian C. L'immigration des Arméniens de la diaspora vers la RSS d'Arménie, 1946—1962 // Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. 20. 1979. № 1. P. 79—110.

²⁹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 180—183.

³⁰ Полный текст сепаратных записок по управлению Порт-Артуром и Далянем см. в кн.: Aitchen Wu. China and the Soviet Union. N.Y., 1950. P. 407—411; о спорной ситуации вокруг Даляня см.: FRUS. 1946. Vol. X. P. 1167—1174.

³¹ Согласно сообщению китайского посла в Москве, Сталин заявил: «СССР будет нуждаться в использовании КВЖД в течение 30 лет, необходимых, чтобы сделать советский Дальний Восток полностью защищённым от японского нападения». См.: FRUS. 1946. Vol. X. P. 569.

³² Arwood C. Sino-Soviet Diplomacy and the Second Partition of Mongolia, 1945—1946 // Mongolia in the Twentieth Century / Ed. by S. Kotkin and B.A. Elleman. Armonk, 1999. P. 137—48; Milward J. Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang. N.Y., 2007.

Внутренней Азии, он по сути завоевал здесь сферу влияния, объединяющую экономические и стратегические интересы.

Вторая цель Сталина заключалась в осуществлении демографической трансформации на освобождённых территориях Восточной Европы параллельно с депортациями этнических меньшинств внутри Советского Союза. Её осуществление заключалось не только в аннексии земель на финской, польской, чешской и румынской границах, населённых народами, родственными жившим в соседних советских республиках. СССР также инициировал изгнание немецкоговорящего населения из освобождённых территорий Польши, Румынии, Венгрии и Югославии (чему предшествовала депортация поволжских немцев внутри Советского Союза). Оно проводилось отчасти при поддержке местного населения, часто с энтузиазмом, как в Судетах, и при молчаливом согласии западных союзников. В то же время Сталин поощрял депортацию и изгнание венгерского меньшинства в Словакии. «Мы мешать вам не будем», — сказал Сталин чехословацкому министру в Москве в июне 1945 г. — «Прогоняйте их. Пусть испытают на себе, что значит господство над другими»³³.

Третьей целью было сформировать из внутреннего периметра оборонительный бруствер из «дружественных стран». Понятие «дружественная страна» не было изначально закреплено в мышлении Сталина; в 1944–1945 гг. он ещё не завершил процесс «социалистического окружения». Общие очертания того, что представляло собой «дружественное правительство» в европейском внутреннем периметре, можно с некоторыми местными вариациями обозначить, исходя из переговоров об условиях перемирия с Финляндией, Венгрией, Румынией и Болгарией, из соглашений с чехословацким и югославским правительствами в изгнании и из неудавшихся переговоров с польским правительством в изгнании. Эти условия включали: активное участие в войне против нацистской Германии, что означало либо разворот фронтов, либо высылку немецкого населения; безоговорочное сотрудничество с Красной армией, включая подчинение гражданских властей и всех вооружённых сил во фронтовых зонах, в том числе бойцов сопротивления, советским фронтовым командирам; подписание двусторонних договоров о союзе и взаимопомощи с СССР; принятие советских территориальных требований как непереносимое условие подписания соглашений о перемирии или ратификации договоров о союзе; легализацию местных коммунистических партий и их участие в коалиционных правительствах, которые включали бы все главные «антифашистские» партии; запрет любой официальной оппозиции; исключение всех коллаборационистских и антикоммунистических элементов из правительства и вооружённых сил; признание главенства советских интересов во внешней политике; запрет на любую критику Советского Союза в прессе; выплату репараций от бывших врагов за военные потери и/или экономические соглашения о совместной эксплуатации природных ресурсов в стране в целом или в граничащих с советской территорией районах; отмену «феодалных привилегий», включая раздел больших поместий

³³Когда чехословацкий политик З. Фирлингер попросил помощи Сталина в депортации как немцев, так и венгров, тот лишь спросил: «А разве наши военные препятствуют этому?» (см.: Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 / Под ред. Г.П. Мурашко и др. В 2 т. Т. 1. М.: Новосибирск, 1997. С. 232). В некоторых случаях представители советских военных властей и даже НКВД жаловались в Москву на то, что выселения проводятся чехами и словаками с большой жестокостью. См.: *Murashko G.P. The Fate of Hungarian Minorities in Slovakia after the Second World War. Resettlement and Re-Slovakization: Moscow's Position // Forced Migration in Central and Eastern Europe, 1944–1950 / Ed. by A.J. Rieber. Essex, 2000. P. 83–90.*

и перераспределение земли между крестьянами. В качестве смягчающей меры местным коммунистическим партиям предлагалось улучшать своё положение, не раздражая западных союзников и не давая им повода для вмешательства.

В ряде инструкций местным коммунистическим партиям на последних стадиях войны и в ранний послевоенный период Сталин ясно дал понять, что прогресс в построении коммунизма будет постепенным. Повторюсь, что целью здесь было избежать организованной внутренней оппозиции или развязывания гражданской войны и иностранной интервенции. Например, в апреле 1944 г. Сталин отдал приказ о том, что «вступление советских сил в Румынию диктуется исключительно военной необходимостью...; в занятых Красной армией районах советов и органов советской власти не создавать»³⁴. Вслед за заключением соглашения о перемирии инструкции советскому представителю в Союзной контрольной комиссии ограничивали его функции выполнением условий перемирия³⁵.

Сталин был особенно обеспокоен открытой демонстрацией коммунистической риторики и символов в Югославии. В начале 1945 г. он посоветовал А. Хебрангу, главе делегации Национального комитета освобождения Югославии, не раздражать западные державы: «Создаётся положение, в котором вы оказываетесь во враждебных отношениях с Румынией, Венгрией, Грецией, собираетесь воевать со всем миром; не имеет смысла создавать подобное положение... Воевать с Англией не стоит». Как только западные державы признают новое правительство, югославские коммунисты смогут предпринимать более сильные шаги во внешней политике. Он закончил пожеланием, что югославам «хорошо было бы запрашивать наше мнение прежде, чем принимать важные решения»³⁶.

В Финляндии председатель Союзной контрольной комиссии Жданов в частной беседе сказал своим сотрудникам, что советская политика защищает «строго законную точку зрения». Он предупредил их, что они не должны вмешиваться во внутренние финские дела, оказывать давление на политические группы или даже давать советы: «Мы не ведём двойную политику, а только одну политику, официальную политику, основанную на соглашениях о перемирии»³⁷.

В Венгрии Сталин был готов вести дела с адмиралом М. Хорти, чтобы развернуть фронты подобно тому, как это было сделано в Румынии, но когда Хорти при поддержке немцев был свергнут венгерскими фашистами, Сталин списал его со счетов. Вместо этого он поддержал временное правительство,

³⁴Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953. Документы. В 2 т. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 53–56.

³⁵АВП РФ, ф. Вышинского, оп. 5, п. 47, л. 8–13. Лишь после Ялтинской конференции, когда советские власти сочли, что румыны нарушают условия перемирия, СССР жёстко вмешался в румынскую политику. См.: *Rieber A.J. The Crack in the Plaster: Crisis in Romania and the Origins of the Cold War // Journal of Modern History. Vol. 76. 2004. № 1. P. 66.*

³⁶Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 130–132; Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. С. 136–37.

³⁷РГАСПИ, ф. 77, д. 39, л. 19, 21, 22. Когда финские коммунисты пожаловались на то, что советские танки не дошли до Хельсинки, Жданов ответил: Советский Союз не жаждет «на чужбину проехаться». Каждая страна должна одержать собственную победу своими собственными силами. «Каждый шаг [вперёд] независимого коммунистического движения стоит больше, чем сотни танков» (Там же, д. 48, л. 44). О последующем разочаровании Жданова в деятельности финских коммунистов см.: *Rieber A.J. Zhdanov in Finland // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. № 1107. Pittsburgh, 1995.*

составленное из нескольких венгерских генералов, которые приехали в Москву для переговоров о капитуляции, и представителей четырёх антифашистских партий, включая коммунистов. Но он настаивал, что венгерские коммунисты, живущие в изгнании в Москве, не должны входить в правительство, поскольку «их сочтут советскими марионетками». Сталин дал обещание поддержать их, но настаивал, что «советская власть не может всё делать за них. Пусть они поборются, пусть поработают сами»³⁸.

Цель подготовки почвы для постепенного перехода к социализму нигде не реализовывалась столь конкретно и оптимистично, как в Болгарии. Живя в Москве, но сердцем оставаясь в Софии, Димитров давно являлся самым последовательным и красноречивым защитником единого фронта против фашизма и, казалось, убедил Сталина в правоте своих взглядов. Когда Красная армия вошла в Болгарию, по совету Димитрова и при поддержке населения коммунистические лидеры провозгласили, что Отечественный фронт антифашистских партий представляет собой «целую стадию развития нашей страны — стадию, которая никоим образом не может быть пропущена». Эта точка зрения получила высочайшее одобрение, когда Сталин в январе 1945 г. приветствовал официальную делегацию фронта: «Если Отечественный фронт будет работать хорошо, социализму будет придан мощный импульс. Советы — не единственная форма перехода к социализму. Он может развиваться из демократической республики»³⁹.

Первая попытка дать теоретическое обоснование идее, что военная победа Советского Союза открыла новые возможности для перехода к социализму, была сделана в ноябре 1945 г. Б.Н. Пономарёвым (в то время — заместителем директора Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) и членом Отдела международной информации ЦК КПСС), когда он предложил историко-материалистическое объяснение альтернативы диктатуре пролетариата⁴⁰. Однако его анализ оставил открытыми многие вопросы, включая то, насколько сильно будут различаться в каждой стране темпы и глубина трансформации в зависимости от местных условий.

Уже на Ялтинской конференции сталинская политика поддержки дружественных правительств во «внешнем периметре» Западной Европы начала в целом приобретать сходные очертания с его политикой во «внутреннем периметре», хотя его действия носили скорее оборонительный характер, если принять во внимание преобладающее военное присутствие освободительных западных армий. На встрече Сталина и П. Тольятти накануне отъезда последнего

³⁸Основано на записи разговора, сделанной Эрнё Герё (цит. по: *McCagg W.O.* Stalin Embattled, 1943–1948. Detroit, 1978. P. 314–317). По другой версии, Сталин добавил: «Не хочу никого пугать. Но как только вы станете сильны, вы сможете настаивать... привлекать столько нужных людей, сколько возможно». Цит. по: *Borhi L.* Hungary in the Cold War, 1945–1956. Between the United States and the Soviet Union. Budapest, 2004. P. 35.

³⁹*Bogdanova R.* Main Tendencies in the Development of Socio-political Thought in Bulgaria. September 1944 – September 1947 // *Bulgarian Historical Review*. 1984. № 3. P. 4–5, 11. Я отредактировал текст, чтобы улучшить неловкий перевод. См. также: *Димитров Г.* За единния фронт. София, 1970. С. 167. Сталин повторил свой тезис несколько дней спустя на встрече с югославскими и румынскими коммунистами: «На практике выходит, что советская форма — наилучшая [при строительстве социализма], но ни в коем случае не единственная форма. Могут существовать другие формы — демократическая республика и даже, при определённых обстоятельствах, конституционная монархия» (*The Diary of Georgi Dimitrov...* P. 358).

⁴⁰РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 749, с. 136–170. См. анализ в: *Rieber A.J.* Popular Democracy: An Illusion? // *Stalinism Revisited. The Establishment of Communist Regimes in East-Central Europe* / Ed. by V. Tismaneanu. Budapest, 2009. P. 115–120.

в Италию они договорились о необходимости проводить политику «национального единства», чтобы избежать гражданской войны и противостоять британскому влиянию⁴¹. Советский Союз уже опередил англо-американцев, признав свергнувшее Муссолини правительство генерала П. Бадوليو, чтобы обезглавить военное правительство, насаждаемое в Италии американцами. Через несколько месяцев в очередной попытке обойти с флангов британцев и американцев Сталин пригласил в Москву Ш. де Голля, предложив ему признание в обмен на его признание польского временного правительства⁴².

Сталин не поставил на кон французскую Коммунистическую партию, но особо проинструктировал М. Тореза накануне его возвращения во Францию, поручив ему сформировать левый блок и подыскать ему подходящее название. Сталин видел главную цель блока в восстановлении французской промышленности с целью предотвратить монополистские тенденции англичан и американцев. Он убеждал Тореза ограничить военные действия патриотической милиции после того, как немцы будут изгнаны из Франции и растворить эти соединения во французской армии; их «оружие должно быть спрятано». Если условия изменятся, тогда «силы, собранные вокруг партии, окажутся полезными для наступления»⁴³.

Таким образом, Сталин пытался создать политические условия, в которых коалиция «антифашистских» партий поддерживала бы скорейшее восстановление послевоенной экономики и возрождение политической жизни в освобождённых странах внешней периферии. Это дало бы коммунистам, которые играли большую роль в Сопротивлении (или претендовали на таковую), возможность представлять себя как самую патриотическую партию и играть важную, возможно доминирующую, роль в реформировании новых обществ. К тому же присутствие в послевоенных правительствах коммунистов, которые были запрещены в фашистской Италии и в последний год французской Третьей республики, как минимум способствовало бы продвижению главных территориальных и политических интересов Советского Союза во внутренней периферии и, что ещё важнее, предотвращению возникновения «Западного блока».

Подчёркивая необходимость единства действий во время и после войны, коммунисты имели бы лучшие шансы блокировать возрождение правых сил в своих странах путём проведения далеко идущих социально-экономических реформ и продвижения единой партии левых. Инструкции Сталина лидерам коммунистических партий подразумевали, что движение к созданию «народной демократии» будет происходить в рамках парламентской системы управления и продвигаться размеренными шагами.

Насколько последовательно Сталин был готов сохранять различие между внутренним и внешним периметрами, драматично продемонстрировала его широко известная политика невмешательства в Греции. Контролируемый коммунистами фронт сопротивления ЕАМ и его военная фракция ELAS на момент вывода немецких войск контролировали две трети страны, причём достигли этого без военной или политической помощи Советского Союза.

⁴¹The of Georgi Dimitrov... P. 305; Pons S. Stalin, Togliatti, and the Origins of the Cold War in Europe // Journal of Cold War Studies. Vol. 3. 2001. № 2. P. 6–9.

⁴²Советско-французские отношения во время Великой отечественной войны, 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М., 1984. С. 67–68, 133, 380. См. также: Rieber A.J. Stalin and the French Communist Party, 1941–1947. N.Y., 1962. P. 119–124.

⁴³«Англичане и американцы хотят везде создать реакционные правительства» // Источник. 1995. № 4. С. 152–158. См. также: The Diary of Georgi Dimitrov... P. 342.

Потребовалась решительная британская военная интервенция, дабы разрушить власть коммунистов и сформировать правое правительство, которое провело суровые репрессии и успешно выиграло с британской и американской помощью гражданскую войну. Сталин ограничил свою критику заданным в Ялте вопросом о том, что происходит. Получив ответ, он сказал Черчиллю: «Я полностью доверяю британской политике в Греции»⁴⁴.

Сталинская концепция дружественных правительств на азиатских границах СССР представляла собой вариацию на европейскую тему. Он не пытался получить гегемонию над всем Ираном и Китаем, как делал в странах внутренней периферии в Восточной Европе, однако также не довольствовался осуществлением влияния на расстоянии, как делал в Западной Европе через посредничество местных коммунистических партий. Вместо этого Сталин осуществлял «двухколейную» политику: с одной стороны, добивался расширения советского влияния в иранских и китайских приграничных окраинах (Азербайджан, Синьцзян, Внешняя Монголия и Маньчжурия) без аннексии территории, с другой стороны — пытался способствовать образованию коалиционных правительств, которые включали бы просоветскую партию (Иран) и коммунистическую партию (Китай) и признавали бы советские интересы на окраинах. Это требовало искусного маневрирования. Хотя Красная армия к концу войны и установила своё присутствие в приграничных районах Ирана и Китая, но то же можно сказать о британцах в южном Иране и американцах в центральном Китае.

Советский Союз подписал договоры с правительствами Ирана и Китая, чтобы запланировать график вывода войск, но Сталин был полон решимости использовать собственные силы и силы местных союзников, чтобы обеспечить дополнительные гарантии советских экономических интересов в приграничных зонах обеих стран. В Иране он стремился получить монополию на эксплуатацию нефтяных месторождений в северных провинциях, для чего был готов до определённого момента поддерживать автономные движения курдов и турецкоговорящего азербайджанского населения региона. Но лишь до поры до времени. Как объяснил он лидеру Демократической партии Ирана Дж. Пишевари в мае 1946 г., «в Иране нет революционного кризиса». Рабочих было слишком мало, а крестьянство оставалось пассивным. В отсутствие внешней войны иранская армия оставалась непобеждённой. Необходимо было достичь согласия с иранским правительством о сохранении автономии Азербайджана. Довольно нечестно Сталин объяснил, что советские силы были вынуждены выйти из северного Ирана, чтобы лишить западные державы повода оставить свои войска в таких странах, как Сирия, Египет и Китай⁴⁵.

В Китае Сталин пытался торговаться с Чан Кайши, чтобы установить, по сути, совместное экономическое управление в Маньчжурии и Синьцзяне, используя для своих целей турко-мусульманское восстание в Синьцзяне и экспансию китайских коммунистов из своих базовых лагерей военного

⁴⁴FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 781–782. См. также: *Roberts G.* Moscow's Cold War on the Periphery: Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–8 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 46. 2011. № 1. P. 63–70.

⁴⁵Цит. по: *Yegorova N.* The «Iran Crisis» of 1945–46: A View from the Russian Archives // *Cold War International History Project. Working Paper № 15*. Washington, 1996. P. 23–24.

времени в северо-западные провинции⁴⁶. Однако китайский лидер сопротивлялся советским требованиям, хотя его сын и главный переговорщик убеждал его согласиться на эту сделку⁴⁷. Это решение способствовало задержке вывода советских войск из Маньчжурии, в отличие от Ирана, где было достигнуто экономическое соглашение. В результате китайские коммунисты выиграли время, чтобы нарастить свои силы в Маньчжурии, готовясь к холодной войне. Манёвры Сталина в Иране и Китае вызвали сопротивление его западных союзников, которые неверно интерпретировали его цели как попытки свергнуть националистические правительства. Эти подозрения, наряду с быстрой трансформацией «дружественных правительств» в «народные демократии» Восточной Европы, подорвали и в конечном итоге обрекли на провал планы Сталина сохранить союз военного времени.

Ни разу в течение войны или в первые послевоенные годы Сталин не раскрывал детальный план целей, за которые его страна столь упорно сражалась и столь многим пожертвовала. Ретроспективно, однако, можно заключить, что в своих политических решениях он руководствовался «окраинным тезисом», идеей строительства социализма в одной стране в применении к внешней политике, опытом революционной деятельности на Кавказе, Гражданской войны и интервенции, выстраивания неустойчивых отношений между центром и периферией в Советском Союзе. То, что приобрело очертания к концу войны, можно представить как развивающийся проект и описать в терминах военной архитектуры. В центре стояла русская цитадель, пострадавшая, но освобождённая от врага. С западного и юго-западного фасада её прикрывала цепь бастионов, населённых различными народами (эстонцы, латыши, белорусы, украинцы, крымские татары, северокавказцы). Занятые врагом, они были затем освобождены, но оставались ненадёжными, требующими экстенсивной реконструкции (ре-советизации) и фортификации новообретённых «укреплённых пунктов».

За цепью бастионов простирался «внутренний периметр» иностранной территории, оккупированной Красной армией, где нужно было построить новые оборонительные сооружения; по мере укрепления и консолидации они смогли бы в будущем послужить в качестве пунктов десантирования в случае, если определённые благоприятные условия возобладали бы во «внешнем периметре». В этом «внешнем периметре», вне досягаемости Красной армией, в отсутствие регулярных вооружённых сил ударные группы собирала дисциплинированная организация сторонников. Их задачей было отводить давление от оборонительных линий, строящихся во внутреннем периметре, и наращивать собственные силы для будущих операций. Успех предприятия во многом зависел от поддержания мирных отношений с потенциальными противниками в течение неопределённого, но значительного периода времени, включая даже вовлечение их во взаимовыгодный экономический обмен, который предоставил бы важные ресурсы для решения огромной задачи реконструкции повреждённых защитных сооружений и строительства новых. Возможно, эта образная схема никогда

⁴⁶Советский командующий в Маньчжурии маршал Родион Малиновский информировал американских представителей, что он не возражает «в принципе» против доставки националистических войск в Маньчжурию американской авиацией, но что полеты смогут начаться лишь накануне вывода советских войск. См.: *Ледовский А.М.* СССР, США и народная революция в Китае. М., 1979. С. 125–127.

⁴⁷*Last Chance in Manchuria: The Diary of Chang Kia-gnau* / Ed. by D.G. Gillin and R.H. Myers. Stanford, 1989. P. 185–188.

не приходила в голову Сталину, но, учитывая его тенденцию мыслить в военных терминах, отвергать такую возможность также нельзя.

Было бы ошибкой или по меньшей мере упрощением представлять себе военные цели Сталина просто как продукт его личного видения или фантазии. Подобные прецеденты имели место задолго до Второй мировой войны. Так, в длительной ретроспективе цели России в Семилетней войне, учитывая расстановку сил в то время, были удивительно схожи. Стратегической целью, сформулированной тогда Военным советом при Высочайшем дворе, было создание коалиции с целью разгрома и уничтожения Пруссии. Если бы русские армии оккупировали Восточную Пруссию, то она отошла бы Польше. В ответ Польша уступила бы России не только Курляндию, но и собственные восточные территории, что не только устранило бы причины беспорядков и взаимных обвинений, но позволило бы объединить торговлю на Балтике и Чёрном море, сконцентрировав таким образом всю торговлю с Левантом в руках России. В итоге Польша лишилась бы белорусского и украинского этнических и религиозных меньшинств на востоке (*кресы*)⁴⁸.

Перенесясь в эпоху Первой мировой войны, мы видим, что военные цели России, очерченные министром иностранных дел С.Д. Сазоновым в 1914 г., провозглашали, что Германия будет расчленена. Россия приобретёт нижнее течение реки Неман в Восточной Пруссии; Познань, Силезия и западная Галиция будут присоединены к Царству Польскому под протекторатом России; Россия аннексирует восточную Галицию; Центральная Европа будет реорганизована так же, как и Балканы, чтобы дать России преимущественную роль в обоих регионах⁴⁹.

В Конвенции о Черноморских проливах 1915 г. имперская дипломатия добилась успеха там, где Сталин потерпел поражение, — получив западную (британскую и французскую) поддержку приобретения Россией западного берега Босфора, Мраморного моря и Дарданелл в случае победоносной войны. Позднее России были также обещаны османские провинции Эрзурум, Трабзон, Ван и Битлис, что объединило бы армянский народ, а также Курдистан; это опять же шло гораздо дальше более скромной, но неудавшейся попытки Сталина вернуть Карс и Ардаган⁵⁰. Россия также достигла соглашения, пересматривавшего англо-русский договор 1907 г., что увеличивало зоны обеих стран за счёт так называемой нейтральной зоны, предоставляя России намного более широкий контроль над Иранским Азербайджаном и северными провинциями Ирана, чем советско-иранское соглашение 1946 г.⁵¹ Правда, на окраинах Внутренней Азии Россия накануне революции смогла лишь подтвердить предшествующие соглашения с Японией, её союзницей в войне, о соблюдении раздела сфер влияния. В данном случае Сталин преуспел не только в восстановлении позиции царской России в 1904 г., но и в значительном её улучшении.

Что оставалось постоянным на протяжении нескольких веков, так это необходимость выигрывать борьбу за многоэтнические пространства — для России это было ключевым элементом, гарантирующим её внешнюю безопасность, внутреннюю стабильность и статус великой державы.

⁴⁸Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 148. Пг., 1916. С. 31—33.

⁴⁹*Renzi W.A.* Who Composed 'Sazonov's Thirteen Points'? A Reconsideration of Russia's War Aims of 1914 // *American Historical Review*. Vol. 88. 1983. № 2. P. 347—357; *Linke H.G.* Das Zarische Russland und der Erst Weltkrieg. Diplomatie und Kriegsziele, 1914—1917. München, 1982.

⁵⁰Раздел Азиатской Турции по секретным документам Министерства иностранных дел / Под ред. Е.А. Адамова. М., 1924. С. 157, 163—164.

⁵¹Константинополь и проливы по секретным документам Министерства иностранных дел / Под ред. Е.А. Адамова. М., 1925. С. 284—285.